

DOI: 10.15372/HSS20150412
УДК 94(47).084.3

В.В. ЖУРАВЛЕВ

**«ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИОГРАФИЯ» В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ:
СТРУКТУРА БИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
В СИСТЕМЕ ВОЖДИСТСКОГО КУЛЬТА А.В. КОЛЧАКА**

Вадим Викторович Журавлёв,
канд. ист. наук, научный сотрудник,
Институт истории ИИ СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
доцент Новосибирского государственного университета,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
e-mail: vvzh@mail.ru

Статья посвящена обоснованию использования понятия «политическая агιοграфия» при анализе массовых, повседневных идеологических практик антибольшевистского движения на востоке России в 1918–1919 гг. В статье анализируются жизнеописания главы контрреволюционного движения адмирала А.В. Колчака, опубликованные в виде брошюр и листовок. Делается вывод о значительном сходстве внутренней структуры пропагандистских биографий и житийной литературы. Текст рассматриваемых сочинений в значительной степени организован в соответствии с агιοграфическим каноном.

Ключевые слова: политический культ, политическая агιοграфия, биография, пропаганда, революция, гражданская война, А.В. Колчак, вождизм, культ личности, Россия

V.V. ZHURAVLEV

**“POLITICAL HAGIOGRAPHY” IN THE CIVIL WAR:
STRUCTURE OF BIOGRAPHICAL TEXTS
IN THE SYSTEM OF THE LEADER CULT OF A.V. KOLCHAK**

Vadim V. Zhuravlev,
Candidate of Historical Sciences,
Institute of History of SB RAS,
Nikolaeva 8, Novosibirsk, 630090, Russia,
Associate Professor,
Novosibirsk State University,
2, Pirogova Str., Novosibirsk, Russia, 630090,
e-mail: vvzh@mail.ru

The epoch of revolution and civil war in Russia in 1917–1922 attracted to the political life huge numbers of people whose cultural background in its essential part was shaped by religious forms; the “sacralization of politics” took place. No wonder that in studying the political realia of revolution and civil war, researchers often use theological concepts. One of them is a concept of “political hagiography” that involves the life stories of “great men” – objects of certain “political cults”. These life stories performed functions of indoctrination and promoted this cult within and beyond the “political community” using the specific set of symbols. Hagiography is generally a genre that exhibits stability in the canon. The characteristic feature of hagiographic canon is the stable inner structure of a text. Manifestations of hagiographic canon can provide unique data about a “political ideal” communicated to the “political fold”, and about ideological structure of a given “political cult”. To prove this hypothesis the author used the published materials – brochures and leaflets with biographies of A.V. Kolchak, the leader of the Anti-Bolshevik movement in Eastern Russia. The study revealed considerable similarities between these biographies and the lives of saints in terms of their inner structure. Text structure followed hagiographic canon and had relevant functions. Previously, these effects were registered only in the materials of communist propaganda literature and practice. The political history of Russia of both revolutionary and post-revolutionary periods cannot be understood without the reconstruction of complicated and multidirectional interactions between the elite and mass perceptions, interrelationship between the “secular” and “sacred” meanings, the religious and political cultures of the Russian society. Histories of “political cults” in Russia are yet to be written.

Key words: political cult, political hagiography, biography, propaganda, revolution, civil war, A.V. Kolchak, leader cult, personal cult, Russia.

Эпоха революции и гражданской войны в России 1917–1922 гг. призвала к политической жизни огромные массы людей, чей культурный опыт в существенной части был обусловлен религиозными формами.

В свое время М.С. Агурский, характеризуя восприятие событий того времени культурной элитой российского общества, отмечал, что и среди противников большевистской революции, и среди ее сторонников было множество людей, описывавших происходившее в религиозных понятиях либо как «эсхатологическую национальную трагедию», либо как выдающееся событие «духовной истории» русского народа [1, с. 10, 19].

Б.И. Колоницкий, исследуя политическую культуру широких слоев населения России, также пришел к сходным выводам: в России в эту эпоху не только «политические проблемы переплетались с проблемами религиозными», но и «обратной стороной политизации религиозной жизни стала сакрализация политики». Он отметил, что «Российскую революцию часто сравнивают с революциями Нового Времени. Но не меньше оснований сравнивать ее с религиозными конфликтами, битвами за веру и крестовыми походами...» [2, с. 85–86].

Неудивительно, что при изучении политических реалий революции и гражданской войны исследователи охотно прибегают к религиозоведческому понятийному аппарату: говорят о революционных *ритуалах*, о политической *мифологии*, о *сектантской* политической традиции большевиков и т.д. Характерно, что для описания практики восприятия политических лидеров революционной эпохи очень широко употребляется термин *культ* (обзор вопроса см.: [3, с. 9–14; 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]). Одним из таких концептов, позволяющих привлечь инструментарий науки о религии для изучения, казалось бы, чисто политических феноменов, является понятие *агиография*.

Авторитетный французский «Словарь историка» под редакцией Н. Оффенштадта приводит три значения термина «агиография». Первое, «в узком смысле слова», – «рассказы о жизни святых и о совершенных ими чудесах». Второе – «научные исследования, посвященные культу святых». Наконец, третье: «поскольку жития святых всегда представляли собой апологии, данным термином – в широком смысле слова и зачастую с критической коннотацией – называют биографические сочинения и речи, содержащие безоговорочное восхваление героя» [12, с. 11]. Последнее, «широкое» определение очевидным образом не относится к собственно религиозной сфере и представляет собой метафорический перенос термина «агиография» на светский биографический текст по одному общему признаку – односторонне-положительному описанию главного персонажа.

Однако исследователи биографических повествований о деятелях российской революции, которые охотно используют термин «коммунистическая агиография» [13, 14], пишут о значительно более развернутых и глубоких сходствах житийной и политпропагандистской литературы, о том, что речь в данном случае

идет не об аспектном совпадении, а сущностном жанровом единстве. Например, Е.К. Макаренко отмечает: «Очень интересна в связи с этим житийная традиция в повестях и биографиях 1920–1940-х гг., в которых по житийной схеме создаются биографии „великих“ вождей революции», и подчеркивает «формальное соблюдение житийного жанрового канона» в этих произведениях [15, с. 96]. Однако само по себе словосочетание «коммунистическая агиография», вполне в духе определения словаря Н. Оффенштадта, неся идеологическую «критическую коннотацию», намекает на некую уникальную «религиозность», якобы присущую именно и исключительно большевизму.

Значительно более адекватной выглядит широко используемая в зарубежных исследованиях формула «политическая агиография». Иногда она применяется к исследованию политических аспектов культа христианских святых [16, 17]. Однако значительно шире встречается она в светском контексте. Вполне ожидаемо данный термин употребляется по отношению к биографии В.И. Ленина [18, р. 109], но также и для характеристики сочинений, посвященных «отцам-основателям» США [19, р. 35], или, например, для характеристики книги У. Черчилля о его предке – герцоге Мальборо [20, р. 75]. Французский исследователь выносит термин в заглавие своего сочинения, посвященного корпусу текстов, оформлявших во Франции во время и после Второй мировой войны культа Ф. Петена, Ш. де Голля, М. Тореза и И.В. Сталина [21].

И все же в большинстве случаев словосочетание «политическая агиография» и в зарубежной литературе используется как метафора, а иногда всего лишь как риторический образ. Какие же возможности обещает рассмотрение (конечно, *mutatis mutandis*) пропагандистских биографических сочинений, неконфессиональных по своему происхождению, относящихся к сфере секулярной политики и эпохе Нового и Новейшего времени, через призму полноценного понятия политической агиографии?

В первую очередь, это возможность понимания того, как функционирует такая агиография. Культа основателей и великих адептов – неотъемлемая часть любой религиозной жизни, один из важнейших каналов коммуникации «паствы» и «клира». По словам В.М. Лурье, автора фундаментального «Введения в критическую агиографию», «в системе общины, организованной вокруг какого-то культа, то содержание, которое доступно немногим профессионалам через посредство догматических, канонических или исторических трактатов, становится достоянием всех именно через агиографию – и в этом состоит важнейшая функция этого рода литературы, да и вообще всего культа святых» [22, с. 54].

Именно эта функция выступает критерием выявления «агиографического документа», который данный автор, опираясь на идеи болландиста И. Делеза, определяет как «всякий документ, созданный и/или распространяемый вследствие и/или для рас-

пространения соответствующего культа» [22, с. 35]. «Не бывает агиографических документов, которые функционировали бы сами по себе, – подчеркивает В.М. Лурье. – Все они могут функционировать только в связи с соответствующим культом... Эти культы соотнесены каждый со своим набором символов, главным из которых является символическая фигура соответствующего святого или святых (храма или священной реликвии)». С помощью такого набора символов в агиографический документ закладывается тот главный смысл, который и определяет «реальную жизнь агиографических легенд» [22, с. 53].

В таком случае к политической агиографии должны быть отнесены именно жизнеописания «великих людей» в том или ином «политическом культе», выполняющие функции индоктринации, порожденные и обеспечивающие процесс распространения этого культа как вовне, так и внутри «политической общины» посредством определенного набора символов.

Еще одним приобретением такой постановки вопроса является то, что, как давно выяснено исследователями, жития святых в целом представляют собой жанр, обладающий устойчивым каноном. Проявления христианского агиографического канона многообразны, но его отличительным признаком является характерная внутренняя структура текста [23]. Вот как, основываясь на современной исследовательской литературе (см., например: [24, с. 43]), может быть представлен ее инвариант:

А. Риторическое вступление:

А₁ – самоуничижительная характеристика автора жития;

А₂ – торжественная похвала, прославление достоинств главного героя повествования.

Б. Описание основных жизненных вех святого:

Б₁ – сообщение о родителях, месте рождения, обучении;

Б₂ – рассказ о главных подвигах святого;

Б₃ – сообщение о смерти.

В. Описание чудес святого:

В₁ – прижизненных;

В₂ – посмертных.

Выявление повторяющейся структуры в житийном материале еще В.О. Ключевский использовал как «фильтр», разделяющей фактографически достоверную информацию и агиографические схемы, при этом он сделал вывод, что «для жития дорогá не живая цельность характера с его индивидуальными особенностями и житейской обстановкой, а лишь та сторона его, которая подходит под известную норму, отражает на себе известный идеал... оно изображает не жизнь отдельного человека, а развивает на судьбах его этот отвлеченный идеал» [25, с. 436]. Однако именно поэтому проявления канона в политической агиографии могут дать уникальный материал о транслируемом «политической пастве» политическом идеале, об идейной структуре того или иного

«политического культа», что опять возвращает нас к функциям агиографии.

Такое внутренне связанное, функционально-структурное прочтение понятия «политическая агиография», хотя и не исчерпывает всех возможностей его использования, но уже открывает вполне конкретные исследовательские перспективы.

Проиллюстрируем возможности применения данного концепта на определенном историческом материале.

* * *

Широкомасштабная гражданская война стала тем этапом революционного процесса в России 1917–1922 гг., когда противостоящие политические и социальные силы создали на различных территориях бывшей Российской империи собственные политические режимы и воинские формирования. Политический процесс, начавшийся в 1917 г. под антимонархическими лозунгами, отвергавший единоначалие сверху донизу, изначально описывавшийся как революция «народная», как дело «масс», очень быстро начал менять эту свою характеристику, выдвигая на первый план фигуры «героев» и «вождей». На данном этапе вождизм начинает оказывать огромное, местами определяющее влияние как на формы политической и военной организации, так и на идеологическую сферу противоборствовавших лагерей.

Вместе с тем, политические и военные лидеры, приобретавшие статус «вождей», были слабо известны огромному большинству населения, которым они управляли, и существенной части военнослужащих, которыми они командовали.

В полной мере это относилось и к крупнейшему контрреволюционному политическому режиму, возникшему на востоке России после военного переворота 18 ноября 1918 г., приведшего к верховной власти адмирала А.В. Колчака. Современниками и исследователями неоднократно отмечалось, что колчаковский переворот носил верхушечный характер, что власть, возникшая в его результате, имела недостаточно прочные связи с населением. При этом для определенных (правда, весьма специфических и узких) кругов, военных и общественных, фигура А.В. Колчака уже на момент его прибытия в Омск обладала и известностью, и авторитетом [26, с. 465; 27]. По мере выдвижения Колчака на роль главы и символа определенной политической группировки и, конечно же, со значительно большей интенсивностью после занятия им поста Верховного правителя начался процесс формирования «полноценного вождистского культа» [28, с. 127]. Параллельно с процессом признания главенства А.В. Колчака другими антибольшевистскими регионами – на юге, севере и северо-западе России – этот культ проникает и на данные территории, а также в среду уже довольно многочисленной эмиграции. Одновременно с этим начала складываться политическая агиография Колчака, проявлявшаяся в текстах различных жанров.

Среди них выделяется особая группа источников – жизнеописания Верховного правителя, опубликованные в виде отдельных изданий – брошюр и листовок. На данный момент в различных архивохранилищах, библиотечных собраниях и музейных коллекциях нами выявлена информация об одиннадцати таких изданиях¹.

Из них пять были опубликованы на востоке России и пять – на «белом» Юге, место издания одной брошюры не определено. У семи изданий указано авторство, из них в двух случаях – псевдоним, в одном – как псевдоним, так и настоящее имя, остальные – анонимны. У восьми публикаций указан издатель или типография – в четырех случаях это коммерческие издательства, в трех – официальные военные и правительственные информационные структуры, в одном – и то, и другое одновременно. Объемы этих сочинений существенно различались – от 700 до более чем 60 тысяч слов.

Первым по времени публикации из этих изданий являлась двусторонняя листовка, выпущенная в Перми в январе – феврале 1919 г. издательством «Освобождение России». Издательство и одноименную газету возглавлял пермский литератор Б.А. Броневский, газета занимала «кадетские» позиции.

Текст листовки состоит из 16 абзацев и имеет следующую структуру:

Первый абзац представляет собой цитату из правительственного сообщения о передаче верховной власти А.В. Колчаку. Второй абзац задает тематические рамки текста: «Кто же такой Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак?».

Абзацы с 3-го по 8-й представляют собой краткое «описание основных жизненных вех»: рождение, учеба (Б₁), начало службы, полярные экспедиции, Русско-японская война, межвоенный период, Первая мировая война, отставка при правительстве Керенского (Б₂). Что подчеркивается в этом лаконичном рассказе, кроме разнообразия сфер деятельности будущего Верховного правителя? Прежде всего, «головкружительная, небывалая в летописях народов, его служебная карьера».

¹ Адмирал Александр Васильевич Колчак [Пермь]: Издво «Освобождение России», [1919]. 2 с.; Верховный правитель А.В. Колчак [Пермь]: Издательство «Освобождение России», [1919]. 1 илл.; *Ауслендер С.* Адмирал Колчак. [Пермь: Газета «Сибирские стрелки», 1919]. 8 с.; *Он же.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск: Тип. Русского об-ва печатного дела, [1919]. 33 с., 1 илл.; *Б.И.Ч.* Адмирал Колчак. Ростов н/Д., 1919. 16 с.; Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак. Б.м., [1919]. 16 с. 1 илл.; К народу русскому о Верховном правителе и правительстве / Штаб Верховного главнокомандующего. [Омск, 1919]. 7 с.; *Кипарисов В.* Верховный правитель адмирал А.В. Колчак / [Омск]: Изд. Лит.-худож. отд. канцелярии штаба 3-й армии, 1919. 37 с., 1 илл.; *Морской Н. (Лебедев Н.К.)* Кто такой Колчак? Ростов н/Д., 1919. 14 с. (Народная библиотека. [Вып.] 3. Серия 2-я: Вожди и герои России); *Ольгин И.* Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Харьков: Тип. М. Дрейшпуль и С-вья, 1919. 31 с., 1 илл.; *Щеткин Г.* Сибирь и Колчак. Новочеркасск: Изд. Н.И. Шерстнякова, Тип. Управления артиллерии Всевеликого войска Донского, 1919. 36 с., 1 илл.

Абзацы с 9-го по 11-й представляют собой более развернутый рассказ о двух «отдельных эпизодах из боевой, полной ратных подвигов, кристальной чистоты жизни». Первый эпизод – «смотр боем», устроенный кораблям Черноморского флота вместо парада при вступлении Колчака в должность командующего в 1916 г. Второй эпизод – выброшенная в море «золотая шпага», не доставшаяся матросам-большевику. Оба эпизода представляют собой «политические чудеса» (В). Причем вид этих чудес также вполне «агиографичен». В первом случае это преобразование паствы: от идолопоклонства (формализм «парада») – к истинной службе («в бою произвел смотр») через реализацию функции праведного судьи («и оценил каждого по его заслугам»). Во втором – спасение святыни: изымая реликвию из греховного мира и перемещая ее в неподвластную этому миру «морскую пучину», он спасает от «поругания», осквернения стоящий за реликвией принцип (в данном случае – принцип власти, воплощенный в оружии). К обоим эпизодам можно легко привести многочисленные параллели из религиозной житийной литературы.

Абзацы с 12-го по 16-й подводят итог вышесказанному: «вот кто адмирал Колчак». Причем итог этот содержит и своеобразное политическое «пророчество», наполненное почти эсхатологическим пафосом: Колчак выводит и выведет «государственный корабль из бурного клокочущего моря революции, океана слез и людского горя и потока слов в тихое устойчивое русло спокойного государственного строительства настрадавшейся Родины». Параллели этого текста с мотивами 20–22 глав Апокалипсиса очевидны.

Самой известной из пропагандистских биографических публикаций, посвященных главе сибирской контрреволюции, самой объемной и, видимо, изданной самым большим тиражом, была брошюра «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак», принадлежащая перу писателя С.А. Ауслендера. Истории текста данной брошюры и анализу образа А.В. Колчака в ней нами посвящена отдельная публикация [29], поэтому здесь рассмотрим лишь отдельные основные моменты, важные для понимания феномена политической агиографии в целом.

В функциональном и содержательном отношении композиция брошюры представляется следующим образом.

Часть первая вполне может быть охарактеризована как «риторическое вступление» (А). В первых строках автор начинает говорить о себе, своих особых свойствах составлять «определенное» мнение о человеке на основании первого впечатления, «часто совершенно бессознательного», а также описывает «ощущение какой-то спокойной уверенности», которое «вдруг охватило» его при первой встрече с адмиралом. Эта автохарактеристика вполне соответствует элементу А₁. Апелляция к спонтанному и бессознательному для человека эпохи Ницше и Фрейда выполняла роль, вполне аналогичную той, что для традиционной эпохи значила характеристика себя как человека «некнижно-

го», «простого» и даже «темного», т. е. гарантировала безыскусную правдивость нижеизложенного.

Далее автор переходит к «торжественной похвале» (А₂). Прежде всего, он описывает загадочное состояние *déjà vu* при этой первой встрече: «почему так знакомо это лицо, где я уже видел» его. И дает ответ: «на римских камнях искусный художник запечатлевал образ воина и героя».

В данном случае речь идет о Древнем Риме как своего рода эталоне истории вообще – истории мировой, всеобщей, связанной с культурой. То, что нос, подбородок, губы и даже глаза героя выглядят «римскими», должно говорить о его статусе – исторического деятеля. Далее автор еще раз повторяет этот же прием. Такие «лица далеких победителей», подчеркивает он, я с детства видел на страницах «старых книг с выцветающими гравюрами». Отсылка не к конкретному образу, а к «старым книгам» вообще, позволяет прописать героя сразу во всей мировой культуре и отделить его от эмпирического настоящего.

Отдалив от читателя образ Колчака отнесением его к миру сакрализованной истории, к миру «камей» и «гравюр», автор перебрасывает между ними мостик. Делается это опять через противопоставление. Текст включает длинную инвективу в адрес «больших и маленьких властителей», которые, с одной стороны, «опьяняются, теряют чувство меры», а с другой – становятся в «фальшивые позы», «надевают маски» и, наконец, «становятся мертвыми манекенами партийности», от чьих «жестов механических» «совершаются события роковые, проливается кровь». Непоименованным антигероем этого фрагмента выступает глава свергнутого колчаковским переворотом Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьев (но и одновременно его «прототип» – А.Ф. Керенский²), «недавний властитель», «овеванный холодом предвзятых теоретических выкладок, которого не может преодолеть даже пафос звонко-пустого красноречия». В антитезу этому говорится, опять с апелляцией к позиции непосредственного свидетеля, о «какой-то необычайной подлинной человечности» героя. В диапазоне его забот наряду с высокими вопросами находится место и «потерянному вагону хлеба», и «невыдаче керосина», о которых рассказывает «делегация рабочих». Колчак обладает «человеческой простотой», а постоянная забота обо всех делает его лицо «совсем близким каждому», и он, в свою очередь, своим взглядом «замечает каждое лицо». Герой одновременно и чужд, и близок каждому, и величественен, и прост.

Далее автор пишет: «в нем есть что-то, что привлекает взоры и сердца помимо воли, что-то магнетизирующее». Эти мистические свойства объясняются его контактом со смертью и реализуются в том, что герой

умеет «владеть толпой», умеет сохранить авторитет перед лицом «революционного безумия» (В₁).

Когда автор переходит к внутренним качествам героя, он снова использует противопоставление. Колчак отделяется от многочисленных «храбрых и безупречных воинов», которым были чужды «многие государственные вопросы». Герой описывается и как воин, и как ученый, и как государственный и политический деятель, наконец как человек, «многое познавший в жизни различных стран». Колчак данного текста предстает воистину интегральным человеком.

Вторая часть брошюры представляет собой монтаж собственных текстов Верховного правителя, приведенных буквально или в пересказе и сопровождаемых некоторыми комментариями автора. Предшествовавшая явлению героя ситуация описывается как «разъединение», «раздор» и «распад». Далее следует описание благотворного воздействия героя: «Он сумел соединить Армию в одном порыве», исчезли «разногласия между Властью и Армией», теперь «мысли и дела их спаяны вместе неразрывно». Описывая ход гражданской жизни, автор говорит об отсутствии разногласий Колчака с Советом министров. Вся деятельность Колчака описывается как подчиненная исключительно «интересам целого».

В итоге «непосредственно за поездкой Верховного правителя наши армии повсеместно перешли в победоносное наступление», «именно после выступлений» Колчака в Перми местным политическим партиям «удалось примирить свои разногласия и соединиться в блок». Таким образом, слова героя надеются силой непосредственного действия, чудесно преображают действительность, преодолевают «разъединение» и творят «единство» (В₁).

Эта часть завершается рассуждением, которое является переходом к биографическому блоку. Оценка жизни героя дается заранее, не только предваряя, но и окрашивая все дальнейшее повествование. Данный фрагмент вновь возвращает читателя к идее исключительности героя, выводя последнего из-под юрисдикции своей эпохи: «в годы безвременья, приведшего нас к страшной катастрофе... когда... люди разучились ярко желать и твердо действовать... кажется такой удивительной, несвоевременной эта жизнь».

Все последующие пять частей, за исключением финала последней, представляют собой изложение жизненного пути героя, приведенного его на пост Верховного правителя, и вполне могут быть квалифицированы как «описание основных жизненных вех» героя (Б), с акцентом на «главных подвигах» (Б₂). При этом автор, отказывая своим современникам в праве быть даже аудиторией рассказа о судьбе героя, адресует непосредственно к «какому-нибудь будущему историку, который будет творить суд всем нашим делам». Эта апелляция к грядущему «судии» также носит вполне житейский характер.

Завершающая часть брошюры посвящена событиям революции и начавшейся гражданской войны. На фоне крушения армии и государства вновь описы-

² Н.Д. Авксентьева современники неоднократно сравнивали с главой Временного правительства 1917 г., указывая, что по своей политической манере он «чрезвычайно походил на Керенского» (цит. по: [30, с. 90]).

ваются особые качества героя – способность, пусть временно, вызывать «просветление» у революционных матросов («экзорцизм»), а также «дар глубокого предвидения», позволявший ему знать, что именно «ожидает армию, флот и всю Россию» («профетические способности»). Далее описывается ситуация «пророка в своем отечестве»: герой оскорблен происходящим на родине, и лишь иноземцы (американская миссия Э. Рута) высоко ценят адмирала. Затем следует эпизод с поступлением на британскую службу. Факт явно рассматривается не как компрометирующий, а как авторитетное подтверждение уникальных качеств героя.

Данная часть завершается финалом, общим для всего повествования. Политический агиограф вновь обращается к неэмпирическим силам: Колчак «поставлен во главе новой национальной власти» не кем-нибудь, а «судьбой», причем поставлен «конечно, не случайно». Вновь, уже третий раз, повторяется, что жизнь героя «несхожа с жизнью наших современников».

Далее, в полном соответствии с агиографическим каноном, появляется тема смерти (Б₃). Только здесь она возникает как угроза, как то, что еще предстоит победить.

Конечно, не во всех брошюрах агиографические черты выявляются так ярко. Некоторые них (например, сочинения южнорусских авторов Г. Щепкина и И. Ольгина) вообще сконцентрированы на истории антибольшевистского движения на востоке России, создавшего предпосылки для прихода к власти А.В. Колчака, и изложении основных пунктов политической программы «белых» (международной позиции, рабочей и крестьянской политики, лозунга Учредительного собрания и т.д.), при этом собственно биографии и фигуре А.В. Колчака уделяется незначительное внимание.

Однако финал, например, казалась бы прагматической, рациональной брошюры И. Ольгина содержит весь знакомый нам комплекс мотивов: и древнеримские ассоциации (Волга как Рубикон), и национально-исторические образы («из седых кремлевских стен»), и титанический, нечеловеческий масштаб и «материал» героя («раздастся могучий голос... железного адмирала»), и политически переосмысленные религиозные цитаты («Россия воскресла»). Да и часть основного текста брошюры Г. Щепкина, рисующая положение дел на востоке России, написана столь светлыми красками, что возникает чуть ли не утопическая картина далекого, но прекрасного в социально-политическом плане сибирского «Беловодья».

* * *

Итак, при обращении к пропагандистским биографиям главы «белого» движения на востоке России обнаруживается значительная степень сходства их внутренней структуры, мотивов, топосов, тропов с житийной литературой. Текст брошюр и листовок в огромной степени организован в соответствии с христианским агиографическим каноном, причем агиографические черты не были привнесены в текст механически,

а скорее востребованы из культурного фонда. Тексты, структурно организованные как жития, и функционировали соответственно своей структуре. Ранее эти эффекты фиксировались исключительно на материале коммунистической пропагандистской литературы и практики, посвященной, как правило, уже покойным «вождям» и «героям».

Политическую историю России как революционной, так и послереволюционной эпох невозможно понять без реконструкции сложных, разновекторных взаимодействий между элитарными и массовыми представлениями, между «профанными» и «сакральными» смыслами, между религиозной и политической культурой российского общества. Истории «политических культов» в России того времени еще только предстоит быть написанной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агурский М.С.* Идеология национал-большевизма. 2-е изд. М., 2003. 320 с.
2. *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. 2-е изд. СПб., 2012. 320 с.
3. *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011. 438 с.
4. *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. 288 с.
5. *Колоницкий Б.И.* Культ А.Ф. Керенского: образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 105–108.
6. *Колоницкий Б.И.* Керенский как «новый человек» и новый политик: к изучению генеалогии культа личности // Источник: человек и личность в истории России: конец XIX–XX в. СПб., 2013. С. 262–274.
7. *Великанова О.В.* Образ В.И. Ленина в государственной идеологии и общественном восприятии в Советской России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 19 с.
8. *Великанова О.В.* Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Онтарио; Нью-Йорк, 2001. 284 с.
9. *Ундалов А.М.* О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии (Нижний Новгород). 2012. № 4. С. 64–69.
10. *Шукунда С.З., Энгель Е.И.* Апофеоз Вашингтона, или Культ личности по-американски // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 3. С. 104–112.
11. *Якимова Е.Г., Мартынов Е.Ю.* Эсхатологические основания этики культа личности И.В. Сталина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6–1 (44). С. 208–212.
12. Словарь историка / под ред. Н. Оффенштадта; пер. с фр. М., 2011. 222 с.
13. *Шатин Ю.В.* Эстетика агиографического дискурса в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // Дискурс. 1996. № 2. С. 24–30.
14. *Поддубнова Ю.С.* Метажанры в русской литературе 1920–начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 21 с.
15. *Макаренко Е.К.* Агиография XX века: Проблемы жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 95 – 102.

16. *Anderson R.S.* Aelfric's Kings: political hagiography in Anglo-Saxon England. Indiana University, 2004. 468 p.

17. *Neil B.* Seventh-Century Popes and Martyrs: The Political Hagiography of Anastasius Bibliothecarius. Macquarie University, 2007. XVI+336 p.

18. *Service R.* Lenin: A Biography. Harvard University Press, 2002. 592 p.

19. *Twing S.W.* Myths, models, and U.S. foreign policy: The Cultural Shaping of Three Cold War Warriors. Lynne Rienner Publishers, 1998. 213 p.

20. *Valiunas A.* Churchill's Military Histories: A Rhetorical Study. Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 208 p.

21. *Seveno Th.* La construction du grand homme: essai sur l'hagiographie politique. Université de Rennes, 1989. 610 p.

22. *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб., 2009. 238 с.

23. *Руди Т.Р.* Типика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59–101.

24. *Тумова Л.В.* Тексты агиографического характера в старообрядческих полемических сочинениях XVII в. // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 42–47.

25. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. Репринтн. воспр.: М., 1989. 484 с.

26. *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Т. 1. 576 с.

27. *Шишкин В.И.* Военный и морской министр Временного Всероссийского правительства А. В. Колчак // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2008. Т. 7, вып. 1. С. 54–65.

28. *Журавлев В.В.* Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Новосибирск, 2013. Вып. 2. С. 108–127.

29. *Журавлев В.В.* Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102–111.

30. *Иoffe Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 294 с.

REFERENCES

1. *Agursky M.S.* Ideology of National-Bolshevism. 2-nd ed. Moscow, 2003, 320 p. (In Russ.)

2. *Kolonitsky B.I.* Symbols of power and race for power: to the study of political culture of the Russian revolution of 1917. 2-nd ed. St. Petersburg, 2012, 320 p. (In Russ.)

3. *Enker B.* Formation of Lenin cult in the Soviet Union. Moscow, 2011, 438 p. (In Russ.)

4. *Tumarkin N.* Lenin is alive! Lenin cult in the Soviet Russia. St. Petersburg, 1997, 288 p. (In Russ.)

5. *Kolonitsky B.I.* A.F. Kerensky Cult: Images of Revolutionary Power. *Otechestvennaya istoriya*. 1999, no. 4, pp. 105–108 (In Russ.)

6. *Kolonitsky B.I.* Kerensky as a "new human" and new politician: to the study of genealogy of personal cult. *Istochnik: chelovek i lichnost v istorii Rossii: konets XIX–XX v.* St. Petersburg, 2013, pp. 262–274 (In Russ.)

7. *Velikanova O.V.* Image of V.I. Lenin in the state ideology and in public perception in the Soviet Russia. Abstract of dissertation of candidate of historical sciences. St. Petersburg, 1993, 19 p. (In Russ.)

8. *Velikanova O.V.* Image of V.I. Lenin in the mass perception of the Soviet people on the basis of archive materials. Ontario, New York, 2001, 284 p. (In Russ.)

9. *Undalov A.M.* About some methods of influence of the Napoleon propaganda on the public opinion. *Vestnik NGTU im. R.E. Alek-*

seeva. Seriya: Upravlenie v sotsialnykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii (Nizhnii Novgorod). 2012, no. 4, pp. 64–69 (In Russ.)

10. *Shukunda S.Z., Engel E.I.* Apotheosis of Washington, or the American cult of personality. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. 2013, no. 3, pp. 104–112 (In Russ.)

11. *Yakimova E.G., Martyanov E.Yu.* Eschatological basis of the Stalin's cult of personality. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014, no. 6–1 (44), pp. 208–212 (In Russ.)

12. Historian's glossary. N. Offenshtadt (ed.); transl. from French. Moscow, 2011, 222 p. (In Russ.)

13. *Shatin Yu.V.* Aesthetics of hagiographical discourse in the V. Mayakovsky's poem "Vladimir Ilyich Lenin". *Diskurs*. 1996, no. 2, pp. 24–30 (In Russ.)

14. *Podlubnova Yu.S.* Metagenre in Russian literature of 1920 – the beginning of the 1940s (The communist hagiography and "european" tale allegory). Extend abstract of Cand. Sci (Philol.) Dissertation. Ekaterinburg, 2005, 21 p. (In Russ.)

15. *Makarenko E.K.* Hagiography of the XX century: problems of genre and methods of its study. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2011, no. 1, pp. 95–102. (In Russ.)

16. *Anderson R.S.* Aelfric's Kings: political hagiography in Anglo-Saxon England. Indiana University, 2004, 468 p.

17. *Neil B.* Seventh-century popes and martyrs: the political hagiography of Anastasius Bibliothecarius. Macquarie University, 2007, XVI+336 p.

18. *Service R.* Lenin: a biography. Harvard University Press, 2000, 592 p.

19. *Twing S.W.* Myths, models, and U.S. foreign policy: the cultural shaping of three cold war warriors. Lynne Rienner Publishers, 1998, 213 p.

20. *Valiunas A.* Churchill's military histories: a rhetorical study. Rowman & Littlefield Publishers, 2002, 208 p.

21. *Seveno Th.* La construction du grand homme: essai sur l'hagiographie politique. Université de Rennes, 1989, 610 p.

22. *Lurye V.M.* Introduction into critical hagiography. St. Petersburg, 2009, 238 p. (In Russ.)

23. *Rudi T.R.* Topography of Russian lives of saints (questions of typology). *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. St. Petersburg, 2005, pp. 59–101 (In Russ.)

24. *Titova L.V.* Hagiographical texts in polemical works of Old Believers in the 17th century. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 2012, no. 2, pp. 42–47 (In Russ.)

25. *Klyuchevsky V.O.* Old Russian lives of saints as the historical source. Moscow, 1871. Reprintn. vospr. Moscow, 1989, 484 p. (In Russ.)

26. *Melgunov S.P.* Tragedy of Admiral Kolchak. Moscow, 2004, vol. 1, 576 p. (In Russ.)

27. *Shishkin V.I.* Minister of War and Marine of the Provisional All-Russian Government, A.V. Kolchak. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Novosibirsk, 2008, vol. 7, issue 1, pp. 54–65 (In Russ.)

28. *Zhuravlev V.V.* Leaderism in the ideological practice of the counterrevolutionary movement in Eastern Russia: attempt of analysis of complimentary addresses to A.V. Kolchak. *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoке Rossii v period revoliutsii i grazhdanskoi voyny*. Novosibirsk, 2013, issue 2. pp. 108–127 (In Russ.)

29. *Zhuravlev V.V.* Image of A.V. Kolchak in the publications of S.A. Auslender. *Vlast i obshchestvo v Sibiri v XX veke*. Novosibirsk, 2012, issue 3, pp. 102–111. (In Russ.)

30. *Ioffe G.Z.* Kolchak's venture and its failure. Moscow, 1983, 294 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 02.11.2015